И.Ю. КИРИЛЛОВА

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В РАССКАЗАХ И. ТХТИ

Творческие открытия любого писателя в той или иной степени прочно опираются на национально-философское мировосприятие своего народа. И это весьма существенно, так как именно определенные черты национального мировидения, культурных, исторических традиций народа, особенности эстетических процессов в различные эпохи способствуют созданию типологизированных образов, характеров и сюжетов.

В современном чувашском литературоведении существуют разные точки зрения на национальное чувашское мировосприятие. По мнению критика Г.И. Федорова, «герой чувашской литературы осознает себя в коллективе, через коллектив» [5, с.182]. В качестве примера приводит Хведера из поэмы чувашского писателя М.Ф. Федорова «Леший». Оказавшись на грани жизни и смерти, он понимает себя через обращение к традициям предков. Для него трагична не сама смерть, трагично то, каким он предстанет после смерти перед миром, односельчанами, семьей. Сущность чувашского слова «это как раз обращенность ко многим и многим людям, заявка на диалог, а отнюдь не индивидуализм, отъединенность от людей, не нарастающая автономность личности, подвигающая ее к одиночеству» [4, с.163]. Литературовед Ю.М. Артемьев считает, что в «чувашской психологии главенствует стремление к монологу» [1, с.4]. По этому вопросу у нас больший интерес вызывают взгляды критика В.Г. Родионова, который становление миропонимания чуваша как язычника рассматривает в концепции единства человека и природы. «Чуваш-язычник не отделял собственную жизнь от движения Природы. Великая гармония между Природой и человеком – вот идеал, к которому стремился средневековый чуваш-язычник. В результате таких стремлений в мышлении чувашей начала преобладать логика согласования, а не подчинения, как у многих европейских народов. Логику достижения великой гармонии чуваши называют *çураçтару* – «достижение согласия», «примирение», «достижение равновесия и порядка», «высшее благо, когда интересы отдельного человека гармонизируются с интересами коллектива, общества» [2, с.13]. Стремление к такой гармонии, к «золотой середине» проявляется в мировоззрении чувашского народа во всем: в религии (угождение добрых и злых духов), быту, отношениях с природой, другими народами, членами семьи, труде, характере (терпимость, кротость, скромность) и т.д. Именно такое восприятие мира, по нашему мнению, и отражается в творчестве И. Тхти.

Как было отмечено ранее, постижение гармонии у чувашского человека исходит из его стремлений к согласованию с самой природой. Поэтому в раскрытии его национального мировосприятия ей предназначена особая роль. Именно она является одним из факторов становления народного миропонимания.

Образ природы в произведениях Тхти наделен глубоким художественным смыслом. Через него писатель вводит читателя в чувственный мир его героев, в самые толщи национального мифологического сознания. Природа в рассказах

во многих случаях играет роль своеобразного критерия оценки жизни как отдельного человека, так и всего народа. А пейзажные зарисовки в данном случае содействуют передаче идей самого автора. Так, в рассказе «Погода» (1925) дождливая, ненастная погода стала олицетворением тяжелой дореволюционной жизни чувашского народа, а солнечная – олицетворением новой, светлой жизни после революции. Здесь образ погоды раскрывает еще и воодушевленное новыми переменами настроение самого автора. Он искренне надеется на улучшение жизни рабочего народа. «Погода раз на раз не приходится. Были ненастья, дожди, несчастья, издевательства. Чувашские трудящиеся в старину печалились, слезы лили. Это время наконец-то прошло. Сейчас другая погода. Необходимая трудящимся, ясная погода».

Природа в произведениях писателя наделена определенным внутренним содержанием. Она выступает не просто как пейзажный фон. Через нее автор умело раскрывает лучшие нравственные качества характера, духовную самобытность, мироощущение героев как представителей чувашской нации. Человек – дитя природы, и это обстоятельство особо выражается в чувашском мировоззрении, которое отражается в рассказах Тхти. Так, в незаконченной повести «Сестра Мадюк» (1927) писатель знакомит читателя с чувашским миром, особенностями психологии и мировоззрения народа. Для этого автор вводит своих героев в незнакомый им мир и проверяет их выдержку, раскрывая тем самым черты национального характера и духа. Во сне Тхти (герой) со своим родственником оказывается в незнакомом лесу с дикими животными и чудной растительностью. По дороге они преодолевают различные препятствия, и на правильный путь их выводит *чăпар кайăк* (пестрая птица). Ее можно уподобить образу птицы из рассказа самого Тхти «Царь птиц», в котором бабушка рассказывает внуку предание про царя птиц. По этому преданию у верховья Волги, в болотистых местах живет царь птиц со своей царевной. По его свисту к нему собираются птицы со всей земли и учатся пению у его жены.

Вообще образу птицы в чувашской мифологии отводится немалая роль. В космогонических мифах чувашей она является одним из создателей земной тверди. Например, по одному преданию, «сначала в мире царил хаос, в котором была одна вода, бескрайнее море. Все живые существа жили в воде. Как-то им захотелось жить на земле, и они решают о том, как создать землю. Никто не знает, кроме одной маленькой птицы. Она своим клювом достает со дна моря горстку земли, из которой позже получается твердая земля» [6, с.29]. В сказаниях птице также отведена роль посланника бога, вестника добрых или же, напротив, плохих вестей. С этим образом связано немало предсказаний. Например, если разбить гнездо ласточки, дом, под крышей которого было свито гнездо, в скором времени сгорит или его постигнет несчастье. Данный образ весьма распространен и в мордовском фольклоре: к примеру, в сказках птица помогает главному герою выбраться из подземного царства.

Лес также является в повести своеобразным мифологическим символом, показывающим внутреннее мироощущение героев, их психологическое состояние. Он становится некой субстанцией, которая выступает в роли некой силы, оценивающей уровень развития мировоззрения, кругозора героев. Факт, что Тхти и его дядя Максим блуждают в темном незнакомом лесу, сопоставим

с неясным, узким миропониманием героев на мифологическом уровне. Выход из леса можно сравнить с постепенным просвещением народа и улучшением его социального положения.

Как видим, художественную действительность Тхти изображает через мифологическое мышление народа. Этот факт мы связываем с тем, что в сознании чувашского народа в начале XX в. сохранялось мифологическое отношение к окружающей природной среде, порожденное язычеством, и в обществе еще были живы фольклорные мифологические традиции. Социальные преобразования в стране повлекли за собой существенные изменения в жизни общества. Они не обошли и веру, и традиции разных национальностей, однако на уровне сознания и мироощущения чувашей все еще оставался прежним. Его философия, укреплявшаяся на протяжении тысячелетий, все еще поддерживала человека с рождения и до самой смерти, учила жить.

То, что и мышление, и мировоззрение, и речь героев максимально приближены автором к национальному мировосприятию, отмечает и критик В.Г. Родионов: «Мир Тхти (героя) и его родственника из рассказа «Сестра Мадюк», далеко не выходившие за пределы своей деревни, – мир непросвещенного чувашского крестьянина, его духовная нравственность и национальная самобытность» [3, с.287]. Они находятся в незнакомом месте, из которого не могут выбраться, но в них бьет ключом присущий чувашам оптимизм: «Не переживай, дорога нам открыта. Эта большая вода будет нашей дорогой. Есть у нас на двоих два топора. Срубим деревья, смажем их вот этими корнями и соорудим подобие плота. Сядем на этот плот и поплывем по течению. Авось, и до берегов Волги, к Козловке доплывем. А после продадим плот русским с Козловки, а недопроданные отдадим одному русскому Петру. Вот бы купить в Козловке, в лавке Сапронина белый платок сестре твоей Мадюк», – говорит дядя». Так писателем показаны непоколебимый и оптимистически настроенный национальный характер чувашей, их поэтическая душа: трудности не только не ломают, но и укрепляют волю чуваша, его веру в лучшее. Через духовную нравственность героев и их национальную самобытность раскрывается вся философия жизни, полная духовности, гуманизма и оптимизма. Как видим, истоки этой нравственности надо искать в этике прошлой жизни. Для этого автор и переводит основные действия в рассказе из реальной действительности в сновидение героя.

Вместе с тем сущность национального характера, национальное мировосприятие Тхти в своих произведениях выражает и через многовековые традиции, обряды, обычаи своего народа. Возьмем свадебный обряд из рассказа «Шерхулла». Это не просто обряд, не только народное веселье. На основе этого образа автор строит сюжетную линию, именно он, а также свадебные песни придают национальную самобытность и колорит всему произведению. Но их эстетическая функция состоит не в показе песенного богатства чувашского народа – она намного шире и выступает в роли средства психологического раскрытия характера героя, его духовную нравственность.

Художественное развитие Тхти совершается в основном не в сюжетном движении, а в отражении в его произведениях мировосприятия чувашского народа, особенностей чувашского национального характера. Возьмем рассказ писателя «Галушки из молнии» (1927). Его герой, неграмотный чувашский крестьянин, духовно близок природе, красноречив, чистоплотен, но в то же время

его мир ограничен в пространстве пределами его деревни. Он отсталое от нововведений дитя природы. Ему чужды рассказы о странах, городах, изобретении электричества; еду, по его понятиям, можно готовить только на огне, чуть ли не первобытным способом. У него свои представления о мире, где все настолько привычно, знакомо.

Подобное узкое, наивное, но духовно богатое чувашское мировосприятие особенно отчетливо проявляется в противопоставлении его европейскому. Так, герой рассказа «Помидор» Иван, в своем мышлении выражающий житейскую философию чуваша, противопоставлен ночному гостю, который рассказывает о западноевропейской культуре, об открытии Америки Христофором Колумбом. «Молодцы уж такие люди, как Кристобаль. Они ни в огне не горят, ни в воде не тонут. Ты же – и дома, и у соседей, и в деревне ходишь, не смея пройти в красный угол; живешь как мышь, прижимаясь за печкой… Вот так, прячась, и проживу я свой век», – размышляет человек за печкой (он случайно подслушивает чужой разговор)». Тхти ясно показывает, как развивается мировосприятие Ивана после услышанного им разговора. Иван убедился в том, что на земле есть еще и храбрые, как Кристобаль, и умные, развитые, как ночной гость, люди, которые вполне могут послужить для него идеалом. «О чувашах он начинает размышлять на мировом уровне» [4, с. 131]. Он серьезно задумывается над предназначением человека, его ролью в жизни всего общества, затрагивает нравственные и моральные вопросы. Все это приводит его к философским умозаключениям: живя «за печкой», словно мышь, далеко не пойдешь. Пора «выходить в люди», развиваться, строить вместе со всеми новую жизнь. Что и делает в дальнейшем герой: вступает в колхоз, становится примерным семьянином.

В следующем типе-герое Тхти раскрывает другие особенности чувашской национальной психологии. К примеру, герои рассказов «Иптеш», «Очень хорошо», «Шерхулла» и др. в сущности своей однотипны: крестьяне, вызывающие к себе жалость. Но присмотревшись, прислушавшись к их словам, приходишь к выводу, что они лишь прикидываются глупцами. Таким образом чуваши осмеивают никчемных пройдох, строящих из себя важных персон, и в то же время сами утверждаются как личности и сохраняют в себе человеческие достоинства. «В наивном мировидении скрыты их своеобразное мышление и шутливый, ироничный взгляд на жизненные трудности» [4, с.41]. В этом заключается их выдержка, стойкость характера, скрыт непоколебимый дух и нрав.

Так, через эволюцию характеров героев произведений Тхти нами было рассмотрено становление и развитие чувашского национального мировидения и его отражение в произведениях писателя. Идея национального наиболее полно выражается именно через национальный характер. Созданные автором герои раскрывают сущность чувашского характера, национальной идеи. Им присущ истинно чувашский юмор, спокойный в самом своем лукавстве, таящий в себе неисчерпаемые богатства чувашского языка и народной души и мысли.

Литература

1. *Артемьев Ю.М.* Созываем на ниме // Хыпар. 1997. 24 апреля. С. 4.

2. *Родионов В.Г.* К проблемам исторического воздействия чувашского язычества и христианства // Проблемы письменности культуры: Сб. ст. Чебоксары, 1992. № 23. С. 3-15.

3. *Родионов В.Г.* Чувашская литература (1917-1930-е гг.): Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 352 с.

4. *Федоров Г.И.* В поисках изящной словесности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1996. 224 с. (на чув. яз.).

5. *Федоров Г.И.* О национальном своеобразии чувашской литературы (некоторые аспекты) // Проблемы национального в развитии чувашского народа: Сб. ст. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 1999. С. 173-189.

6. Чувашское народное творчество. Мифы, легенды, предания. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. 567 с.

КИРИЛЛОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА родилась в 1981 г. Окончила Чувашский государственный университет. Аспирант кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского университета.